Андрей Иванов, Иван Амбарцумов

Апология и критика русского национализма в публицистике епископа Андрея (Ухтомского)

DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-3-255-283

Andrey Ivanov, Ivan Ambartsumov

Apologia and Criticism of Russian Nationalism in the Journalistic Writings by Bishop Andrey (Ukhtomsky)

Andrey Ivanov — Saint Petersburg State University (SPbSU) (Russia). andrey.a.ivanov@spbu.ru

Ivan Ambartsumov — Saint Petersburg State University (SPbSU) (Russia). ivanrusk@mail.ru

*Using the views of bishop Andrey (Ukhtomsky) as an example, the article discusses an understudied problem of the attitude of Russian Orthodox priests to the theory and practice of Russian nationalism of the late 19th — early 20th centuries. The authors analyze the bishop's views on national empowerment, political nationalism and the issue of the non-Russians (*inorodtsy*). It is demonstrated how bishop Andrey's Slavophil views shaped his Russian nationalism. The authors also consider the reasons for bishop Andrey's cooperation with right-wing parties and unions, as well as the events that led to his disillusionment with these political forces. This turn is documented by the inedited materials showing the debate on "the national issue" in press between bishop Andrey and right-wing politicians in 1910, which led to their final break. Based on bishop Andrey's journalistic texts published between 1899 and 1917 the authors conclude that he endorsed Russian national self-assertion but never aligned himself with nationalism that he condemned as anti-Christian as long as it acquired xenophobic, racist and secular aspects. Ultimately, while remaining the supporter of the Russian national idea in its Orthodox and Slavophil*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00096; The reported study was funded by RFBR, project number 19-09-00096.

interpretation, by 1917 he had become a staunch opponent of Russian political nationalism.

Keywords: Andrey (Ukhtomsky), Russian nationalism, Orthodox clergy, clergy and nationalism, Russian nationalism, the Black Hundred.

Епископ Андрей (в миру — князь Александр Алексеевич Ухтомский, 1872–1937) принадлежит к числу самых известных и в то же время противоречивых деятелей российской православной церкви конца XIX — первой трети XX в. Одни современники видели в нем консерватора и даже реакционера, другие — церковного либерала; о нем писали как о епископе-аристократе (он принадлежал к роду Рюриковичей) и как о епископе-демократе; его обвиняли то в контрреволюционности, то в сочувствии революции; подозревали в тайном старообрядчестве и в то же время видели в нем стойкого борца за чистоту православного вероучения и достоинство Православной церкви. И надо сказать, что практически все приведенные выше характеристики, несмотря на их парадоксальность и противоречивость, имели под собой основания. Андрей (Ухтомский) неоднократно пересматривал свою общественно-политическую позицию, не меняя при этом своих принципиальных убеждений, которые сам характеризовал как славянофильские[1]. Совершая свое церковное служение в преимущественно «инородческих» епархиях (Казанская, Сухумская, Уфимская), епископ Андрей никогда не забывал о своей «русскости» и старался привить чувство любви к России и русскому народу иным, в том числе не православным, народам империи, в среде которых ему довелось быть миссионером. Между тем, если взглядам епископа Андрея на религиозные вопросы, церковные проблемы, государственный строй, революцию, старообрядчество, миссионерскую работу и прочее уделено в исторической литературе достаточно внимания, то его отношение к проблематике русского национализма, которая его никогда не оставляла равнодушным, осталось «за кадром» большинства исследовательских работ. В этой связи представляется важным реконструировать и проанализировать взгляды Андрея

1. *Алексеев И.Е.* Смиренный бунтарь: к вопросу о мировоззрении архиепископа Андрея (князя Ухтомского) (Окончание) // Былые годы. 2010. № 4(18). С. 21.

(Ухтомского) на русский национализм, его теорию и политическую практику, а также проследить эволюцию этих взглядов.

Не ставя целью в рамках данной публикации дать подробный анализ историографии, посвященной епископу Андрею, отметим лишь некоторые работы, обойти которые в связи с затронутой темой не представляется возможным. Единственной монографией, в которой предпринята попытка проследить весь жизненный путь епископа Андрея, является работа М.Л. Зеленогорского[2], однако в ней остались неосвещенными целые периоды его жизни и не нашлось места анализу его взглядов на национализм и национальный вопрос, а также его взаимоотношений с русскими правыми и националистами начала XX в. В энциклопедической статье А.В. Журавского[3] эта тема также оказалась совершенно незатронутой. В работе Н.П. Зиминой[4] приводится цитата владыки, призванная показать его негативное отношение к национализму, однако развития и исчерпывающего раскрытия интересующий нас сюжет в ней также не получил. Пожалуй, единственным исследованием, в котором взгляды епископа Андрея на национализм и националистов представлены более-менее развернуто, является статья-триптих И.Е. Алексеева[5]. Но поскольку ее целью являлась реконструкция мировоззрения епископа Андрея в целом, сюжет, касающийся национализма, не стал главной темой этой публикации. Таким образом, хотя биография, взгляды и деятельность епископа Андрея неоднократно привлекали к себе внимание исследователей, в то же время работ, которые были бы специально посвящены его отношению к проблематике национализма вообще и русского национализма в частности, а также его взаимоотношениям с политическими силами, опирающимися на идео-

2. *Зеленогорский М.Л.* Жизнь и труды архиепископа Андрея (князя Ухтомского). М. — Иерусалим: Мосты культуры, 2011.

3. *Журавский А.В.* Андрей (Ухтомский Александр Алексеевич) // Православная энциклопедия. Т. 2. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2001. С. 361–365.

4. *Зимина Н.П.* Епископ Уфимский Андрей (Ухтомский) и деятельность Восточно-русского культурно-просветительного общества в г. Уфе (1916–1919 гг.) // Российское объединение исследователей религии. [https://rusoir.ru/03print/03print-04/03print-04-19/, доступ от 27.10.2019].

5. *Алексеев И.Е.* 1) «Я пошел служить духу...». К вопросу о мировоззрении епископа Сухумского Андрея (князя Ухтомского) // Былые годы. 2010. № 1(15). С. 27–37; 2) Смиренный бунтарь: к вопросу о мировоззрении архиепископа Андрея (князя Ухтомского) (Продолжение) // Былые годы. 2010. № 3(17). С. 19–30; 3) Смиренный бунтарь: к вопросу о мировоззрении архиепископа Андрея (князя Ухтомского) (Окончание) // Былые годы. 2010. № 4(18). С. 20–32.

логию русского национализма, до сегодняшнего дня не было. Необходимость такого исследования очевидна как в связи с «лакунами», остающимися в изучении биографии епископа Андрея, так и в связи с общественным и научным вниманием к проблеме соотношения православия и национализма.

Национальная проблематика и отношение к ней с точки зрения православного вероучения отразились в нескольких публикациях Андрея (Ухтомского) в конце XIX — начале XX в. Первой из них, насколько нам известно, стала статья «Национальное обособление христианских народов и историческая задача церкви», написанная им еще в бытность архимандритом и опубликованная в 1899 г.[6] Тогда князя-монаха (несмотря на монашеский сан автора, статья была подписана «Кн. А. Ухтомский») интересовали следующие вопросы: «не противоречит ли обособление христианских народов во имя сохранения национального характера задаче церкви — призывать человечество к высшему единению под главенством Христа, как единого пастыря единого стада»; и может ли «естественное явление национального самоутверждения народов» быть оправданным на основании христианской этики[7]. Отмечая, что, с точки зрения церковной этики, отрицания национального самоутверждения «быть не может», автор статьи, вместе с тем, высказывал мнение, что с позиций христианской аскетики вполне возможно его «методическое» отрицание. Поясняя эту мысль, автор указывал, что у каждого человека есть как нравственные *обязанности* (т. е. то, что он непременно должен выполнять), так и нравственные *права*, реализация которых может и не быть греховной, но не является обязательной. Так, для подвижников благочестия характерно пренебрежение собственными правами и концентрация внимания на своих нравственных обязанностях. Исходя из этой логики, автор сделал следующий вывод:

> Не наложив категорического запрещения на национальное самоутверждение, христианство дало своим последователям *право* оставаться сынами своих наций. Но кто всецело поглощен идеей своей *прямой нравственной обязанности*, тому просто тягостно заниматься чем-либо посторонним; таким образом, национальное само-

6. *Ухтомский А.* Национальное обособление христианских народов и историческая задача церкви // Богословский вестник. 1899. Т. 2. № 6. С. 194–208.
7. Там же. С. 195.

> утверждение, как нечто, не составляющее прямой обязанности христианина (следовательно, как нечто постороннее относительно этой последней), фактически им отрицается.

Но это «методическое отрицание», добавлял князь Ухтомский, имеет важную оговорку: «не все христиане — непременно аскеты, и ни от кого из них никто не в праве требовать отказа от нравственного права быть сыном своего отечества (своей нации)»[8].

Таким образом, Андрей (Ухтомский) признавал естественное *право* народов на национальную самобытность, но не ставил им ее в христианскую *обязанность*. Он также отдавал себе отчет в утопичности надежд на уподобление целых народов христианским аскетам и на появление в обозримом будущем наднационального «Царства Божия» на земле, лишенного борьбы народов за свои права. А раз так, заключал о. Андрей, национальное самоутверждение должно учитываться христианской политикой как факт, «которого не следует отрицать, но на основе которого надо строить»[9]. В этой связи уместно привести высказывание другого православного мыслителя — о. Павла Флоренского, выразившего в письме к В.В. Розанову свое отношение к славянофильству (сторонником которого, напомним, считал себя и Андрей (Ухтомский)) следующими словами: «Интеллигенты до славянофильства не доросли; Святые — его переросли»[10].

В той же статье Андрей (Ухтомский) коснулся и вопроса о национальном единстве, т.е. об «идее, одушевляющей собрание людей». В качестве наглядного примера он приводил великих мужей ветхозаветного Израиля, сумевших сформировать «сознание какого-то высшего духовного содержания в недрах своего народа, своей национальной души» и передать его своему потомству. «Библейская история, — писал он, — есть история великой победы *духа* над *плотию*... “царства сына человеческого” над “царством звериным”, *идеи* над *бесформенной силой*. — И идея эта была национальная»[11]. Христианство же, пришедшее на смену Ветхому Завету, но в то же время связанное с ним, ис-

8. Там же. С. 198.

9. Там же. С. 199.

10. *Розанов В.В.* Собрание сочинений. Литературные изгнанники. Кн. 2. М.: Республика; СПб.: Росток, 2010. С. 121.

11. *Ухтомский А.* Национальное обособление христианских народов и историческая задача церкви. С. 202.

торически оправдало национальное самоутверждение древнееврейского народа. При этом Андрей (Ухтомский) не был согласен с теми, кто, признавая положительную роль древнееврейской национальной идеи, отрицал ее позитивное значение в христианском мире. «Что могло явиться нравственно-положительной силой в древнем Израиле, — писал он, — может снова явиться ею и во всякий другой момент мировой истории»[12]. В подтверждение этого тезиса он приводил следующий пример: всякая истинная культура неразрывно связана с подъемом национального духа, а подлинная христианизация европейских наций произошла лишь тогда, когда они выдвинули на первый план своих национальных подвижников христианства.

Как следует из приведенных выше цитат, будущий епископ был чужд как категорического неприятия национальной идеи, так и безусловной ее апологии. Признавая, что национальное самоутверждение может на практике принести немало зла, он призывал не «вырывать соблазняющее око» (ибо не бывает такого, чтобы человек не проявлял свою злую волю), а смирившись с ним как естественным явлением, стараться направить его в христианское, позитивное русло. Соглашаясь с тем, что христианский идеал — всеобщее единство людей, а преследование национальных интересов не только разъединяет человечество, но и приводит к войнам, насилию и прочему злу, Андрей (Ухтомский) считал это зло допустимым и оправданным, если оно оказывается необходимым для общего блага в христианском его понимании (например, отпор агрессору). Поэтому, признавая национальную политику несовершенной, как и всякое творение рук человеческих, автор статьи исходил из следующего принципа: «не ломать то, чего не умеешь заменить лучшим, не забывая, разумеется, что замена худшего лучшим есть то, к чему естественно стремиться»[13]. То есть призывал не к космополитизму («обезнароживанию»), а к нравственному обновлению национальной жизни.

> Надо помнить, что восхваление своего народа, стремление к благу своего народа *во имя объективных принципов* уже содержит в себе зерно объективной, международной нравственности, международного братства; национальный подъем во имя *всеобщих* идеалов есть общее дело. Тут залог вместе национального преуспеяния и буду-

12. Там же. С. 203.
13. Там же. С. 207.

> щего единства народов. Но горе той нации, которая будет восхвалять свое и стремиться к благу своего — «во что бы то ни стало». К ней относятся слова Христа: «Се оставляется вам дом ваш пуст» (Лк 13:35)[14].

Нельзя не отметить определенные параллели между статьей архимандрита Андрея и опубликованной двумя годами ранее, в 1897 г., работой Вл. Соловьева «Оправдание добра». В 14 главе своего трактата («Национальный вопрос с нравственной точки зрения») русский философ называл «явною ошибкой связывать с христианством принцип космополитизма»[15]. Признавая несомненным злом войны, вражду и ненависть между нациями, Соловьев в то же время считал разделение на народности естественным состоянием человечества и утверждал, что «если христианство не требует безличности, то оно не может требовать и безнародности»[16]. Исходя из этого, мыслитель призывал уважать национальное начало как неотъемлемую часть любой человеческой личности: «Если мы должны признавать собственное достоинство... человека, то эта обязанность простирается и на все то положительное, с чем он связывает свое достоинство; и если мы любим человека, то должны любить его народность, которую он любит и от которой себя не отделяет»[17]. Эти мысли Соловьева перекликаются с призывом о. Андрея не отрицать национальную идентичность и национальное самоутверждение народов, а строить на их основе «христианскую политику». Вместе с тем Соловьев осуждал абсолютизацию национальной идеи, представление о национальных интересах как о самодовлеющей ценности, ради служения которой «все оказывается позволенным, цель оправдывает средства, черное становится белым, ложь предпочитается истине и насилие превозносится как доблесть»[18]. Национализм философ отождествлял с «народным эгоизмом»[19]. О том же писал и архимандрит Андрей, указывая в одном из подстрочных примечаний к своей статье:

14. Там же. С. 208.
15. *Соловьев В.С.* Оправдание добра. М.: Алгоритм, 2012. С. 421.
16. Там же. С. 423.
17. Там же. С. 437.
18. Там же. С. 416.
19. Там же.

> Это зло в самой общей форме можно назвать «национализмом», (национальным эгоизмом) — Что национализм является болезнью нации — это очевидно. Он влечет за собою национализацию идеалов, национализацию этики, «я имею нравственные обязанности по отношению к моей нации, но у меня их нет по отношению ко всякой другой»[20].

Таким образом, влияние Вл. Соловьева на рассматриваемую статью о. Андрея очевидно; оно прослеживается и в направлении мысли, и даже в сходстве некоторых выражений («народный эгоизм» у Соловьева — «национальный эгоизм» у Ухтомского).

Как и работа Соловьева, статья архимандрита Андрея была по своему характеру философско-теоретической, в ней обозначались общие положения, касающиеся соотношения христианской этики и национальной идеи. В данной статье будущий епископ ни словом не обмолвился о русском национализме, его теории и практике. Высказаться на эту тему ему довелось уже в XX в., когда политический национализм стал заявлять о себе все сильнее, а его отдельные проявления не могли не вызвать реакции со стороны Православной церкви.

Обращение к теме русского национализма и межнациональных отношений в России во многом было связано со спецификой служения Андрея (Ухтомского). В 1899 г. будущий епископ занял пост наблюдателя Миссионерских курсов при Казанской Духовной академии; в 1907 г. был рукоположен в епископа Мамадышского, став викарием Казанской епархии по миссионерской работе и инородческим приходам. Его подопечными стали казанские инородцы: кряшены (крещеные татары), вотяки (удмурты), черемисы (марийцы), чуваши. Делу инородческий миссии епископ Андрей отдался с большим энтузиазмом. Он стал убежденным сторонником системы Н.И. Ильминского (1822–1891), педагога, миссионера и просветителя, выступавшего за религиозное просвещение кряшен и других народностей Поволжья на их собственном языке. Благодаря усилиям Ильминского и его сподвижников была организована сеть инородческих начальных школ, во многих приходах стало совершаться богослужение на местных языках, на этих же языках издавалась церковная и светская литература. Целью этих мер было укрепление православного са-

20. *Ухтомский А.* Национальное обособление христианских народов и историческая задача церкви. С. 204.

мосознания крещеных инородцев (многие из которых до этого принадлежали к церкви лишь номинально) и предотвращение их исламизации, к которой стремились татарские религиозные деятели[21]. Но не только инородческие проблемы занимали о. Андрея в период служения в Казанской епархии. С конца 1905 г. он выступал как активный сторонник правомонархического (черносотенного) движения; участвовал в деятельности Казанского отдела Русского собрания и других монархических структур; обличал революционный социализм как антихристианское учение; выступал на страницах местной правой печати, призывая священников Казанской епархии активно содействовать организации отделов Союза русского народа (СРН)[22].

Сближение о. Андрея с правыми организациями было во многом обусловлено его славянофильскими взглядами. Много позднее — в 1928 г., в статье «Моя политическая исповедь» — он писал об определяющем влиянии, которое оказали на становление его мировоззрения основоположники славянофильства: «два огромных русских мыслителя: А.С. Хомяков и И.С. Аксаков»[23]. Видимо, не последнюю роль здесь сыграли и взгляды его наставника митрополита Антония (Храповицкого), считавшего, что «самым близким к Православной церкви направлением является славянофильство в том виде, в каком оно выражено в сочинениях Киреевского, Ив. Аксакова и др.», поскольку славянофилы, проповедуя и защищая национальную идею, были «во всем согласны с учением Православной церкви»[24]. В этом отношении они оказались ближе Андрею (Ухтомскому), чем Владимир Соловьев с его прокатолическими взглядами. Черносотенцы, поднявшие знамя православия и «русскости», представлялись о. Андрею продолжателями дела славянофилов. В духе славянофильской традиции он негативно оценивал «императорский петербургский международный абсолютизм», противопоставляя ему идеал «царско-на-

21. *Колчерин А.* Христианизация народов Поволжья: Н.И. Ильминский и православная миссия. М.: РИСИ, 2014. С. 157–277.

22. *Алексеев И.Е.* 1) «Я пошел служить духу...»... С. 34–36; 2) Смиренный бунтарь: к вопросу о мировоззрении архиепископа Андрея (князя Ухтомского) (Продолжение). С. 19–22.

23. «Я хочу принадлежать только св. церкви...» Священномученик Андрей, архиепископ Уфимский. Труды, обращения, проповеди, письма, документы / Сост. И.И. Осипова, Л.Е. Сикорская. М.: Братонеж, 2012. С. 333.

24. Беседы Высокопреосвященнейшего архиепископа Антония, произнесенные в духовной семинарии // Волынские епархиальные ведомости. 1910. № 19. С. 362.

родного русского самодержавия»[25] (концепция, базирующаяся на идеализации «соборного» строя допетровской Руси). Элементы той же концепции можно найти и в Уставе СРН, где подвергался критике «современный бюрократический строй, заслонивший светлую личность русского царя от народа»[26]. Отвергая обвинения в партийности, епископ Андрей в 1908 г. заявлял:

> Если же «Союз русского народа» ближе для меня, чем другие партии, то это потому, что он сам по своему духовному строю всецело присоединился к моим воззрениям и ни одного своего убеждения я не переменил для того, чтобы «Союз» принял меня в первые свои ряды... Кроме того, я не считаю «Союз русского народа» партией: этот «Союз» и есть русский народ...[27]

Вместе с тем Андрея (Ухтомского), даже в период его тесного сотрудничества с крайне правыми силами, никак нельзя назвать «типичным черносотенцем». На страницах правой печати он неоднократно высказывал «особое мнение», расходившееся с господствовавшим в данном политическом спектре. Он неоднократно упрекал правых в косности, чрезмерной сосредоточенности на борьбе с врагами и «подсчитывании отечественных несчастий», недостатке реальных дел и конструктивных начинаний. В качестве положительной цели для правомонархического движения о. Андрей настойчиво выдвигал идею возрождения сильного и самостоятельного православного прихода, который, по его мысли, должен был стать основной ячейкой не только церковной, но и гражданско-политической организации[28]. Довольно рано обнаружилось расхождение между Андреем (Ухтомским) и ведущими черносотенными деятелями по национальному вопросу[29]. В 1906 г. он выступил против взятого на вооружение правыми лозунга «Россия для русских!», называя его «эгоистически безнравствен-

25. *Андрей (Ухтомский)* «Россия для русских» // Казанский телеграф. 1906. 19 апреля.

26. Устав общества под названием «Союз русского народа». СПб.: Отечественная типография, [1906]. С. 4.

27. Священномученик Андрей, архиепископ Уфимский. Статьи 1905–1918 гг., документы и воспоминания / Сост. Н.И. Колева, Л.Е. Сикорская. М.: Братонеж, 2019. С. 185.

28. Там же. С. 82–86.

29. О взглядах черносотенцев на «инородческую» проблематику см.: *Размолодин М.Л.* О консервативной сущности черной сотни. Ярославль: Нюанс, 2012. С. 231–273.

ным принципом», который «развязывает руки всем инородцам, окончательно разрывает всякую нравственную связь их с русским народом и дает им право всеми средствами противодействовать русским мероприятиям». Бороться за единую и неделимую Россию и в то же время провозглашать лозунг, способный оттолкнуть от русских национальные меньшинства страны, — это представлялось Андрею (Ухтомскому) как минимум недальновидным. Призывая правых одуматься, он предлагал им вооружиться другим девизом: «Святая Русь на службе миру»[30]. В этой формуле нельзя не заметить прямую параллель с тезисом Вл. Соловьева: «Народы живут и действуют не во имя себя или своих материальных интересов, а во имя своей идеи, т. е. того, что для них всего важнее и что нужно всему миру, чем они могут послужить ему, — они живут не для себя только, а для всех»[31]. Отметим, что ссылки на авторитет Соловьева встречаются в публицистике Андрея Ухтомского черносотенного периода[32], хотя и значительно реже, чем апелляция к славянофилам.

Разногласия епископа Андрея с крайне правыми достигли апогея в 1910 г., что нашло отражение в газетной полемике, которая, насколько нам известно, в научной литературе не освещалась. Поводом к ее началу стали нападки правых публицистов на систему инородческого образования, созданную Ильминским. Главным критиком этой системы выступил В.Ф. Залесский, профессор-юрист, один из лидеров черносотенного движения в Казанской губернии. Залесский и его единомышленники полагали, что принципы, заложенные Ильминским, ведут к чрезмерному культивированию национальной самобытности народов Поволжья, что трактовалось как «поощрение русофобских стремлений и инородческого сепаратизма». Вместо этого черносотенцы настаивали на полной русификации народов Поволжья[33]. В свою очередь епископ Андрей полагал, что уважение к национальным особенностям не препятствует, а, наоборот, способствует сближению народностей Поволжья с русским народом и его культурой. Не являясь противником обрусения инородцев, он вместе с тем считал, что процесс этот должен быть сугубо добровольным

30. *Андрей (Ухтомский)* «Россия для русских» // Казанский телеграф. 1906. 19 апреля.

31. *Соловьев В.С.* Оправдание добра. С. 435.

32. Священномученик Андрей, архиепископ Уфимский... С. 109–110.

33. *Залесский В.Ф.* Система Ильминского // Казанский телеграф. 1910. 13, 15, 16 июня.

и идти путем деликатной миссионерской работы, уважающей родной язык, традиции, малую родину инородцев и постепенно прививающей им любовь к родине большой — России[34].

Именно в рамках полемики об инородческом образовании епископ Андрей написал программный текст, в котором обозначил свое отношение к национальному вопросу в России, русскому национализму и проявлениям ксенофобии со стороны правых сил.

Непосредственным поводом для этого выступления стала опубликованная в марте 1910 г. в правой газете «Казанский телеграф» анонимная заметка «О казанской инородческой семинарии». Речь в ней шла об учебном заведении, созданном усилиями Ильминского и его сподвижников в 1872 г. для подготовки учителей начальных инородческих школ (преподавателями и учениками семинарии могли быть как русские, так и представители малых народностей Поволжья). Автор заметки негодовал, что в преподавательском составе семинарии после 1905 г. наблюдается «засилье» инородцев, и голословно связывал это обстоятельство с волнениями учащихся, которые произошли в 1909 г.[35] Анонимный публицист явно был единомышленником В.Ф. Залесского, который три месяца спустя развернуто изложил свой взгляд на проблемы инородческого просвещения в статье «Система Ильминского», где, в частности, настаивал на том, чтобы обучением и духовной жизнью инородцев руководили педагоги и священники русской национальности[36].

Возмущенный нападками черносотенцев, косвенно касавшимися и его как руководителя миссии, епископ Андрей выступил на страницах того же «Казанского телеграфа» со статьей «О православных инородцах», в которой, не ограничиваясь разбором частного вопроса об инородческой семинарии, подверг критике черносотенный подход к национальному вопросу и изложил собственный взгляд на русский национализм. Статья открывалась следующей декларацией:

34. *Жердева Ю.А.* «Заволжский летописец» и культурно-просветительные проблемы Уфимского края в 1917 году // Российская наука: актуальные исследования и разработки: сб. науч. ст. Ч. 1. Самара: Изд-во Самар. гос. экон. ун-та, 2016. С. 5.

35. О казанской инородческой семинарии // Казанский телеграф. 1910. 21 марта.

36. *Залесский В.Ф.* Система Ильминского // Казанский телеграф. 1910. 16 июня.

> За последнее время наше отечество переживает прекрасный период возрождения русской национальной идеи. В Государственной думе явилась даже наиболее симпатичная из всех существующих партий, — партия русских националистов[37].

Подобное начало статьи, посвященной в первую очередь критике националистических крайностей, могло преследовать две цели. Во-первых, епископ Андрей желал предупредить возможные обвинения во враждебности к русской национальной идее как таковой; во-вторых, комплиментарно высказываясь о националистах — умеренно правом течении, епископ выражал свое разочарование в крайне правых — черносотенцах. Националисты, объединившиеся в 1908 г. в думскую фракцию, а затем создавшие влиятельную политическую партию — Всероссийский национальный союз, пользовались поддержкой П.А. Столыпина и позиционировали себя как умеренную и «культурно-прогрессивную» альтернативу радикальному черносотенству[38]. Видимо, епископ Андрей в то время надеялся, что националисты окажутся силой более конструктивной, чем черносотенцы. Правда, свои симпатии новому политическому течению он высказывал с определенными оговорками: «Конечно, им далеко до прекрасных, чистых, идеально-христианских принципов московского славянофильства, но и та безукоризненная порядочность, которая имеется в программе этих националистов, уже должна радовать русского человека». Тут же, в начале статьи, епископ Андрей подчеркивал, что преданность интересам собственной нации не противоречит христианству, а, напротив, обосновывается им:

> Мы вполне с ними (националистами. — *Авт.*) разделяем тот принцип, который выразил апостол Павел в словах: *«если кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекается от веры и хуже неверного»* (1 Тим. 5, 8). Почему те политические партии, те, кто забывает о своем отечестве и предают свою родину врагам ее, они проявляют такое нравственное босячество, такое духовное падение, которое так справедливо и сильно осуждается апостолом[39].

37. *Андрей (Ухтомский).* О православных инородцах // Казанский телеграф. 1910. 23 марта.

38. *Коцюбинский Д.А.* Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М.: РОССПЭН, 2001. С. 31–35, 44, 56.

39. *Андрей (Ухтомский).* О православных инородцах.

Нельзя не отметить определенную эволюцию в мировоззрении Андрея (Ухтомского). Если в статье 1899 г. утверждалось, что национальный патриотизм есть лишь право христианина, но не его непременная обязанность, то теперь он видит в преданности собственной стране и народу христианский долг, вытекающий из апостольского завета «печься о своих». В 1899 г. о. Андрей именовал национализм «злом» и «болезнью нации», а теперь выражал поддержку партии националистов. Впрочем, в данном случае не стоит приписывать епископу «разворот на 180 градусов». Дело скорее в многозначности термина «национализм». В 1910 г. епископ Андрей, судя по всему, надеялся, что новая политическая партия будет понимать национализм в смысле, не расходящемся с христианским нравственным учением — как некую особенную заботу христианина о людях, родных и близких по крови, о благе своего Отечества. Такой идеально-христианский национализм, конечно, не должен был включать в себя ксенофобию и стремление к унижению других народностей, что епископ Андрей всегда решительно осуждал. Дав религиозное обоснование национально-патриотической идеи, он сразу же переходил к вопросу о долге русского православного человека по отношению к российским инородцам — «всем тем, кого мы исторически призваны просветить, кому мы должны принести свет Христова Евангелия». Епископ напоминал о заповеди Христа «любить ближнего… и служить этому ближнему, будь то даже самарянин, т. е. почти еретик», из чего делал вывод: «Христианская Россия, если она не отреклась от Христа, должна послужить тем, кому может она служить и кто в ее помощи нуждается» (принцип, провозглашенный еще в 1906 г.: «Святая Русь на службе миру»). Вспоминал епископ и известное изречение апостола Павла о том, «что в церкви Христовой нет ни еллина, ни иудея, варвара, скифа, раба, свободного (Кол. 3, 11)». Следовательно, русские христиане не имеют права ставить себя выше таких же православных христиан-инородцев на основании национального происхождения.

> Если о них (инородцах. — *Авт.*) говорить с этнографической точки зрения, если обсуждать степень их, так сказать, воцерковления, проникновения христианством, то это, по крайней мере, понятно. Но говорить о православных инородцах как деятелях вообще, об их педагогических качествах, об их общих душевных качествах, — простите: это чистая нелепость. Как в антропологическом отношении русский не имеет ни малейших преимуществ пред инородцем,

> так и в церковном отношении, пред И. Христом и Церковью русский и инородец стоят совсем рядом и преимуществ каких-либо одного пред другим не имеют... Все инородцы православные — это братья наши во Христе, и без всякого малейшего ограничения[40].

Утверждая отсутствие «антропологических преимуществ» русского перед инородцем, епископ Андрей бросал вызов пришедшим с Запада расовым теориям, которые уже тогда разделялись некоторой частью русских правых и националистов. Сторонникам идей этнического превосходства епископ даже угрожал Божиим гневом: «А если кто из русских так забыл Христово учение, то пусть вспомнит слова пророческие: “грядет Господь на все гордое и высокомерное и оно будет унижено”... И не ложно слово Божие!» Этой сентенцией епископ Андрей завершил собственно богословскую часть своей аргументации и далее перешел к доводам более «приземленным», государственно-прагматическим. Так, он писал:

> Представьте, что в угоду нашим черносотенцам, при их ревности не по разуму, будет сделано постановление: «никаких таких инородцев на службу не принимать, это что ни на есть самые опасные люди».
>
> И что будет? А вот что: министр Императорского Двора барон Фредерикс, лучшие генералы русской армии Гершельман, Ренненкампф, Плеве, Гернгросс, такие администраторы, как Думбадзе, барон Таубе, генерал-адъютант Шмидт — должны будут уйти... И куда? Если они не могут служить на пользу России, которую они любят, то что же они должны делать?
>
> Но если одно только происхождение ценят наши «патриоты своего отечества», то пусть заменят всех вышеперечисленных «немцев» такими русскими людьми, у которых и папаша и мамаша были совсем без подозрения русские.
>
> Вот магистр русской истории Милюков, вот предводитель русского дворянства тверской помещик Родичев, вот начальник русской полиции родовитый Лопухин, вот чистокровные русские босяки Максим Пешков и Л. Андреев... Ведь их русское происхождение никто заподозрить не может, и, однако, кто более унизил и оскорбил Россию, как не они, эти русские...[41].

40. Там же.

41. Там же.

Как нетрудно заметить, критикуя подход «ревностных не по разуму черносотенцев» к национальному вопросу, епископ Андрей в целом оставался еще в рамках черносотенного политического дискурса. В качестве примера «достойных инородцев» он приводил нерусских по происхождению генералов и чиновников, близких к правому политическому лагерю. Примером же «недостойных русских» служили в основном левые и либеральные деятели российской политики и культуры, одиозные в глазах черносотенцев. Таким же риторическим приемом пользовались и другие русские правые и националисты — А.А. Киреев, В.А. Бобринский, В.М. Пуришкевич, Н.Е. Марков и др.[42] Однако в данном случае епископ Андрей вольно или невольно искажал ситуацию. Ведь и его оппонент Владислав Францевич Залесский по отцу был поляком, что не мешало ему, как и многим другим черносотенцам, имевшим нерусские корни, считать себя «истинно русским». Залесский и его единомышленники нападали не на обрусевших инородцев, а на тех, кто продолжал отстаивать свою национальную самобытность, сопротивляясь русификации. Решительно отвергая критерий этничности как показатель «истинной русскости» (что, впрочем, было свойственно многим русским правым того времени), епископ Андрей разошелся с черносотенцами лишь в следующем: если для последних инородцы должны были полностью слиться с русским народом, то для него достаточно было их принадлежности к православию и готовности служить на благо империи. Он писал:

> При вопросе о замещении должностей на государственной или церковной службе ни в каком случае нельзя ставить вопрос: русский или инородец; и всегда нужно твердо только знать: честный человек, полезный для дела, убежденный — или тайный предатель с русской фамилией? И еще одно правило житейской морали нужно твердо знать при этом: услужливый человек может быть опаснее врага[43].

Сославшись на басню И.А. Крылова «Пустынник и медведь» («услужливый дурак опаснее врага»), епископ Андрей явно на-

42. *Иванов А.А.* Трактовка понятия «русские» в российской консервативной мысли (1860-е — 1917 гг.) // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2017. № 2(22). С. 40–50.

43. *Андрей (Ухтомский).* О православных инородцах.

мекал на борцов с «инородческим засильем» в учительской семинарии и их «медвежью услугу» делу русского патриотизма в области образования. Разбирая далее попытки черносотенцев связать волнения в учительской семинарии с национальным составом ее руководства, епископ недоумевал:

> Но — скажите же, пожалуйста, причем тут «инородцы»?
>
> Одновременно с беспорядками в этой семинарии были беспорядки во многих *духовных* семинариях: полтавской, псковской, вятской, всего свыше 10 семинарий.
>
> Неужели и в них виноваты тоже казанские инородцы, как инородцы? А ведь по разбираемой нами статье выходит так, что везде все благополучно, только вот у инородцев плохо.

Таким образом, казанский викарий подводил читателей к мысли, что корень проблемы не в инородческих преподавательских кадрах, а в общих дефектах российского образования и бунтарских настроениях молодого поколения, которые дают о себе знать и во вполне русских учебных заведениях, включая церковные. Епископ сравнивал педагогическое дело с игрой на скрипке, в которой «одна фальшиво настроенная струна способна уничтожить все достоинства и музыканта, и инструмента». Деструктивность позиции своих оппонентов, желавших разгрома всей системы инородческого просвещения, базировавшейся на принципах Ильминского, епископ Андрей показывал с помощью той же музыкальной аналогии:

> Но если музыкант будет извинять недостатки своей игры тем, что скрипка сделана на «инородческой» фабрике, то это будет только смешно. А если по малодушию своему он же обольет эту фабрику керосином и подожжет, то это будет преступление во всех отношениях и, главным образом, преступление пред здравым смыслом[44].

Статья епископа Андрея вызвала раздраженную реакцию у черносотенцев. Редакция «Казанского телеграфа» снабдила текст архиерея следующим примечанием: «Помещая эту интересную статью глубокочтимого епископа Андрея, оговариваемся, что совершенно не согласны не только с тоном ее (местами), но и с не-

44. Там же.

которыми положениями автора по существу»[45]. В следующем номере газеты появилась ответная критическая статья В.Ф. Залесского «О православных и неправославных инородцах», в которой лидер казанских черносотенцев утверждал, что «преосвященнейший владыка Андрей, несмотря на наилучшие намерения, находится в глубочайшем заблуждении». Богословские доводы епископа Залесский признавал неубедительными, указывая, что «Христово учение идеально высоко, идеально совершенно», однако «именно вследствие своего идеального совершенства... в настоящее время во всей полноте своей неосуществимо». Правый публицист провозглашал тезис о том, что «переживаемая нами историческая эпоха есть эпоха *восстания инородцев против русского народа*» (курсив автора. — *Авт.*) и что, исходя из этого факта, «вопреки утверждению владыки мы *не можем* считать инородцев “братьями нашими во Христе без всякого малейшего ограничения”». При этом Залесский, будучи адептом расовой теории, пытался доказать, что «хотя среди финнов, монголов, турков, семитов имеются отдельные высокоодаренные личности, равняющиеся по степени умственного развития многим из выдающихся представителей арийской расы, но все-таки, в общем и целом, эта последняя — по сравнению с вышеназванными — есть раса высшая»[46]. В общем, казанский профессор давал понять читателям, что епископ Андрей слишком прекраснодушен, витает в некоем идеальном мире и не видит суровой реальности, в которой идет беспощадная борьба между русскими и злокозненными инородцами.

Возникшая на страницах «Казанского телеграфа» дискуссия имела резонанс и продолжилась в столичной прессе. На «полемику между двумя выдающимися русскими деятелями» (епископом Андреем и В.Ф. Залесским) откликнулся в журнале «Прямой путь» товарищ председателя Главной палаты Русского народного союза имени Михаила Архангела Н.Д. Облеухов. Автор подверг критике обоих оппонентов: епископа Андрея — за благодушное отношение к инородцам, а Залесского — за нехристианский тезис о неприменимости евангельского учения к современной жизни. При этом, судя по всему, столичный публицист читал статью епископа Андрея крайне невнимательно. Например, он

45. Там же.

46. *Залесский В.Ф.* О православных и неправославных инородцах // Казанский телеграф. 1910. 24 марта.

«уличал» церковного иерарха в поддержке «космополитического предрассудка… будто любовь к своему народу противоречит духу Евангелия», в то время как епископ Андрей сам клеймил космополитизм, именуя его «нравственным босячеством». Облеухов ломился в открытую дверь, доказывая, что патриотизм и национальное чувство не противоречат христианству, как будто епископ Андрей утверждал нечто иное[47].

Епископ Андрей, в свою очередь, решил ответить на выпады оппонентов в центральной печати. Трибуну казанскому викарию предоставили «Санкт-Петербургские ведомости», издателем которых был его дальний родственник, друг и единомышленник по многим вопросам князь Э.Э. Ухтомский[48]. В статье, напечатанной 11 апреля 1910 г., епископ не стал вдаваться в отвлеченно-теоретические рассуждения о христианском отношении к инородцам вообще, а сосредоточился на этноконфессиональной ситуации в Поволжье. Опровергая обвинения своих критиков в прекраснодушном идеализме и забвении о беспощадной войне враждебных сил против русского народа, епископ Андрей заявлял: «Казанский край, обнимающий несколько губерний Приволжья, представляет из себя арену борьбы двух культур: христианской и мусульманской, русской и совершенно откровенно антирусской. Вот — основной тон здешней жизни». В качестве главного объекта борьбы указывались инородцы-немусульмане: крещеные татары, вотяки, черемисы и др. Епископ писал об активном стремлении татар-мусульман, наиболее сильной с культурной и экономической точки зрения этнорелигиозной группы в регионе, исламизировать и татаризировать крещеных и некрещеных инородцев. «Татарскому делу», по словам автора, помогали так называемые «татарсымаки» (сочувствующие татарско-мусульманскому прозелитизму). Епископ Андрей давал понять читателям, что единственной силой, противодействующей татаро-мусульманской пропаганде, является возглавляемая им казанская православная миссия. Налаживая религиозную жизнь крещеных инородцев, организуя их просвещение на православной основе, миссионеры укрепляют связь своих подопечных не только с церковью, но и с русским народом и его

47. *Облеухов Н.* Патриотизм и христианство // Прямой путь. 1910. 13 апреля. С. 778–780.

48. *Зеленогорский М.Л.* Жизнь и труды архиепископа Андрея (князя Ухтомского). С. 20.

культурой. В то же время «quasi-патриотическая пресса» (намек на «Казанский телеграф»), которая «за последний месяц… не переставала травить крещеных инородцев», косвенно способствует именно «татарским» целям. Он писал:

> В религиозную жизнь крещеных инородцев, принципиально хорошо поставленную, ворвался за последнее время какой-то шквал, который стремится вырвать с корнем все то хорошее, что сделано и делается ныне по духовному ведомству и по министерству народного просвещения. Сейчас дело не идет далее газетных статей; но и эти статьи производят самое удручающее впечатление на всех, кто знаком с делом и кто понимает подкладку этой инородческой травли… Совершенно непоправимо можно этим путем испортить все настроение православных инородцев и совершенно оттолкнуть их от симпатий ко всему русскому… Татары будут потирать руки и крещеным инородцам будут вечно показывать эти статьи, поясняя: «Вот видите, до чего дождались! Всем вам никто из русских патриотов не верит. И что вы ни делайте, как ни уверяйте этих патриотов, — все равно вас будут только ругать и вам не поверят. Идите в татары!»[49]

Негодование епископа Андрея против казанских черносотенных публицистов было столь велико, что он, по сути, причислил их к «татарсымакам».

> Русские татарсымаки делятся на две партии: сознательных, активных деятелей и послушных исполнителей их ловких предначертаний. Все эти татарсымаки умело замалчивают мусульманское политическое движение, всемерно опасаются, как бы не обеспокоить мусульман, всеусердно за ними ухаживают и ловко ведут интригу против крещеных инородцев, столь ненавистных для мусульманства[50].

В словах об «ухаживании за мусульманами» можно усмотреть персональный выпад против В.Ф. Залесского, который в 1908 г. стал организатором «Царско-народного мусульманского об-

49. *Андрей (Ухтомский)*. Тяжелый месяц в жизни казанской миссии // Санкт-Петербургские ведомости. 1910. 11 (24) апреля.

50. Там же.

щества», черносотенной организации, целиком состоящей из татар-мусульман[51].

Таким образом, епископ Андрей показал себя хорошим полемистом, понимающим, что лучшая защита — нападение. Он не столько защищался от брошенных в его адрес обвинений, сколько сам обвинял ультраправых казанских деятелей в том, что именно они являются подлинными врагами «русского дела» (излюбленное черносотенное выражение), в то время как миссионеры и организаторы инородческого образования — главные проводники русских интересов.

Публицистический удар, нанесенный епископом Андреем по сторонникам линии В.Ф. Залесского и «Казанскому телеграфу», оказался весьма чувствительным. В пасхальном номере газеты казанских черносотенцев появилось «Открытое письмо преосвященному епископу Андрею». Письмо не содержало сколько-нибудь внятных аргументов против позиции архиерея, но было насыщено эмоциональными выражениями, говорящими о глубокой обиде и огорчении редакции газеты после прочтения статьи в «Санкт-Петербургских ведомостях». Журналист «Казанского телеграфа» сетовал на употребленные преосвященным владыкой «жестоковыйные глаголы, как например, *quasi-патриотическая пресса, стравить, гнать, искоренять*», напоминающие «скорее речь книжников и фарисеев, а не слово истинного миссионера». В «Открытом письме» утверждалось, что сотрудники газеты не имеют намерения клеймить огульно всех инородцев, что они совершенно не против миссии и инородческого просвещения, а против неких недобросовестных деятелей, которые «успели присосаться» к миссии, извращая ее принципы. О том, что это за деятели и какие пороки имеются в миссионерском деле, автор, по-видимому, собирался рассказать в следующих номерах, поскольку в конце статьи значилось, что «продолжение следует»[52]. Но оно не последовало, так как вскоре казанский губернатор оштрафовал черносотенную газету за непочтительность к духовному лицу, и полемику пришлось закрыть. Об этом факте сообщала столичная «Земщина» (орган

51. *Алексеев И.Е.* Смиренный бунтарь: к вопросу о мировоззрении архиепископа Андрея (князя Ухтомского) (Окончание). С. 23.

52. Открытое письмо преосвященному епископу Андрею // Казанский телеграф. 1910. 18 апреля.

СРН), критикуя «епископа, защищающего инородцев» и выражая сочувствие его оппонентам[53].

Полемику весны 1910 г. можно считать временем окончательного размежевания епископа Андрея с черносотенцами. Что же касается надежд епископа на русских националистов как на «наиболее симпатичную» политическую партию, от которой он ждал «безукоризненной порядочности», то, по-видимому, они также испарились. Некоторые идеологи русского национализма (М.О. Меньшиков, П.И. Ковалевский, И.А. Сикорский) еще дальше, чем черносотенцы, ушли от тех религиозных основ русской национальной идеи, которые выдвигали дорогие епископу Андрею славянофилы. Например, М.О. Меньшиков рассматривал православие лишь как «привычную и приятную» для русского человека форму религиозности, связанную с национальной историей, но отнюдь не как бесспорную догматическую истину[54]. Многие националисты являлись приверженцами глубоко чуждых епископу Андрею расовых доктрин[55]. В 1911 г. публицист «Санкт-Петербургских ведомостей» Н.Н. Дурново не без основания отмечал, что «в среде русских националистов» Андрей (Ухтомский) «найдет много врагов, скрытых и злостных»[56]. В политическом плане епископ Андрей с каждым годом сдвигался влево и к 1917 г. уже имел репутацию «сторонника кадетов»[57] и церковного вольнодумца, «прогремевшего на всю Россию своим либерализмом»[58].

Однако в своих взглядах на национальный вопрос архиерей остался на тех же позициях, что и раньше. В 1916 г., будучи епископом Уфимским и Мензелинским, владыка Андрей принял активное участие в создании Восточно-русского культурно-просветительного общества и издании его печатного органа — журнала «Заволжский летописец». Издание было объявлено славянофильским, а его миссионерская направленность объяснялась епископом Андреем также с национально-патриотических пози-

53. *Дмитриев Н.* Епископ, защищающий инородцев // Земщина. 1910. 26 апреля.

54. *Иванов А.А.* Были ли русские националисты черносотенцами? (О статье И.В. Омельянчука) // Вопросы истории. 2008. № 11. С. 173

55. *Коцюбинский Д. А.* Русский национализм в начале XX столетия... С. 99, 103, 119, 269, 405.

56. Священномученик Андрей, архиепископ Уфимский... С. 382.

57. *Латыпова В.В., Исхаков С.М.* Андрей (в миру — Ухтомский Александр Алексеевич, князь) // Политические деятели России. 1917. Биографический словарь. М.: Большая рос. энцикл., 1993. С. 20.

58. *Евлогий (Георгиевский).* Путь моей жизни. М.: Московский рабочий, 1994. С. 267.

ций, поскольку в «столь духовно порабощенной стране, как Россия» особенно нужна «миссия национального самосознания»[59].

Но если в 1910 г. взгляды епископа Андрея на русский национализм и национальную политику в России вызвали нападки черносотенного лагеря, то в 1917 г. критика пришла со стороны левых сил, которые обвиняли архиерея уже не в недостатке национализма, а в его избытке. Уфимская социал-демократическая газета «Вперед» весной 1917 г. выразила протест против «славянофильских чувств» епископа, «насквозь пропитанных национализмом»[60]. В ответ он писал:

> Скажите же, на основании каких действий моих или слов меня можно причислить к националистам в немецком понимании этого слова, т. е. обвинить меня в националистическом самопревозношении или отталкивании кого-нибудь от себя. Ведь почти всю жизнь свою я отдал только инородцам, зная, что русские имеют без меня много попечителей. Откуда можно заключить, что я кого-нибудь обидел своим национализмом (вполне вымышленным)?[61]

Проясняя свое отношение к национализму, епископ Андрей эмоционально восклицал:

> *Я ненавижу национализм как безнравственное учение*. Прошу быть справедливым и никогда не бросать мне обвинения в национализме, как и вообще в человеконенавистничестве. Я не повинен в этом! Славянофилы для меня тем и велики, что все их учение основано на любви, на христианской любви ко всем; только поэтому я и считаю себя славянофилом. Мое мнение такое, что все люди братья, как дети Единого Отца. Но тот способен любить всех, кто сумеет сначала полюбить своих ближних братьев. Если же кто будет уверять, что он любит папуасов, а потому обижает чехов, — то это самообман или жалкая игра в слова[62].

В открытом письме к А.Ф. Керенскому епископ Андрей заявлял: «Я — искренний слуга своей родины и потому как христианин же-

59. *Жердева Ю.А.* «Заволжский летописец»... С. 4.

60. Загадки епископа Андрея // Вперед. 1917. 11 апреля.

61. *Андрей (Ухтомский).* О непрекращающейся на меня клевете // Заволжский летописец. 1917. № 9. 1 мая. С. 250.

62. Там же. С. 251.

лаю всем только всякого благополучия и презираю национализм как явление антихристианское»[63]. Позже, в советские годы, в своей «политической исповеди» епископ Андрей уже называл себя патриотом-интернационалистом:

> Моя духовная паства и мои ближайшие единомышленники знают, что я патриот. И это совершенно верно; да, я патриот. Далее — мои сотрудники прекрасно знают, что я интернационалист и почти всю свою жизнь я провел среди инородцев... И везде я своим ученикам прививал любовь к родине, к родной земле. Вместе с тем я просил своих учеников не быть космополитами, не быть слепыми подражателями чужих нравов, не подражать и русским, поскольку в их жизни много недостатков. Но в русском характере есть одно величайшее духовное сокровище. Это его всеобъемлющая братская любовь и искание вечной правды, стремление жить «по Божьи». Эти черты русского характера делали и делают русского везде «своим человеком», и везде он чувствует себя, как дома[64].

Говоря о взглядах епископа Андрея (Ухтомского) на русский национализм, легко поддаться соблазну утверждать, что они неоднократно менялись. Однако такое утверждение будет неверным. Если политические взгляды этого незаурядного церковного деятеля действительно претерпели эволюцию, то изменение его отношения к национализму и национальному вопросу не столь очевидно. Во-первых, он всегда считал себя последователем славянофилов и от этого не отрекался. Во-вторых, епископ Андрей, называя себя патриотом и признавая за русским народом (впрочем, как и за любым другим) право на национальное самоутверждение, никогда не позиционировал себя именно как националиста. Он поддерживал черносотенцев и возлагал надежды на русских националистов не потому, что в его системе ценностей национализм играл ключевую роль, а потому, что эти политические силы казались ему наиболее последовательными в смысле защиты православной церкви; он также надеялся увидеть в российских правых борцов за осуществление славянофильских идеалов «соборности» и «царско-народного самодержавия». Будучи искренним русским патриотом, епископ Андрей (Ухтомский) был

63. *Андрей (Ухтомский).* Открытое письмо министру-председателю А.Ф. Керенскому // Уфимские епархиальные ведомости. 1917. № 15–16. С. 433.

64. «Я хочу принадлежать только св. церкви...»... С. 356–357.

при этом убежденным противником ксенофобии, идей расового и национального превосходства, которые были для него неприемлемы как несовместимые с христианской этикой. Во взглядах епископа Андрея на национальный вопрос, наряду со славянофильской традицией, явственно прослеживается влияние Вл. Соловьева. Показательно, что главной причиной размолвки епископа Андрея с правыми стал «инородческий вопрос», поскольку свое отношение к инородцам он выстраивал не по национальному, а по конфессиональному принципу, не только не допуская дискриминации в отношении нерусских православных народов империи, но и являясь противником их насильственной русификации. В словах епископа Андрея, сказанных с интервалом в несколько лет, — о том, что русские националисты являются «наиболее симпатичной из всех существующих партий» и о том, что он «ненавидит национализм как безнравственное учение» (с оговоркой, что речь идет о национализме в «немецком» смысле), — нет сущностного противоречия. Первоначально епископ Андрей надеялся, что русский национализм оформится в просвещенную национально-консервативную политическую силу, опирающуюся на православную традицию и идеи славянофилов. Однако фактически русский национализм все более приобретал черты секулярной идеологии, лишь внешне связанной с православием, отстаивавшей господство русской народности в империи как некий самодовлеющий принцип, безотносительно к христианской морали. Кроме того, часть русских националистов (как, впрочем, и некоторые черносотенцы) исповедовали «расовые теории», принципиально неприемлемые для православного епископа. Все это заставило епископа Андрея в конечном итоге разочароваться в политическом национализме и выразить ему свое презрение как явлению антихристианскому.

Библиография / References

Источники

Андрей (Ухтомский). О непрекращающейся на меня клевете // Заволжский летописец. 1917. № 9. 1 мая. С. 247–251.

Андрей (Ухтомский). О православных инородцах // Казанский телеграф. 1910. 23 марта.

Андрей (Ухтомский). Открытое письмо министру-председателю А.Ф. Керенскому // Уфимские епархиальные ведомости. 1917. № 15–16. С. 432–436.

Андрей (Ухтомский). Речь перед молебном в Казанском «Русском собрании» 6 декабря 1906 года // Черносотенец. 1906. 14 декабря.

Андрей (Ухтомский) «Россия для русских» // Казанский телеграф. 1906. 19 апреля.

Андрей (Ухтомский). Тяжелый месяц в жизни казанской миссии // Санкт-Петербургские ведомости. 1910. 11 (24) апреля.

Беседы Высокопреосвященнейшего архиепископа Антония, произнесенные в духовной семинарии // Волынские епархиальные ведомости. 1910. № 19. С. 361–363.

Дмитриев Н. Епископ, защищающий инородцев // Земщина. 1910. 26 апреля.

Евлогий (Георгиевский). Путь моей жизни. М.: Московский рабочий, 1994.

Загадки епископа Андрея // Вперед. 1917. 11 апреля.

Залесский В.Ф. О православных и неправославных инородцах // Казанский телеграф. 1910. 24 марта.

Залесский В.Ф. Система Ильминского // Казанский телеграф. 1910. 13, 15, 16 июня.

Облеухов Н. Патриотизм и христианство // Прямой путь. 1910. 13 апреля. С. 778–780.

О казанской инородческой семинарии // Казанский телеграф. 1910. 21 марта.

Открытое письмо преосвященному епископу Андрею // Казанский телеграф. 1910. 18 апреля.

Розанов В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники. Кн. 2. М.: Республика; СПб.: Росток, 2010.

Священномученик Андрей, архиепископ Уфимский. Статьи 1905–1918 гг., документы и воспоминания / Сост. Н.И. Колева, Л.Е. Сикорская. М.: Братонеж, 2019.

Соловьев В.С. Оправдание добра. М.: Алгоритм, 2012.

Устав общества под названием «Союз русского народа». СПб.: Отечественная типография, [1906].

Ухтомский А. Национальное обособление христианских народов и историческая задача церкви // Богословский вестник. 1899. Т. 2. № 6. С. 194–208.

«Я хочу принадлежать только св. церкви...» Священномученик Андрей, архиепископ Уфимский. Труды, обращения, проповеди, письма, документы / Сост. И.И. Осипова, Л.Е. Сикорская. М.: Братонеж, 2012.

Литература

Алексеев И.Е. Смиренный бунтарь: к вопросу о мировоззрении архиепископа Андрея (князя Ухтомского) (Окончание) // Былые годы. 2010. № 4 (18). С. 20–32.

Алексеев И.Е. Смиренный бунтарь: к вопросу о мировоззрении архиепископа Андрея (князя Ухтомского) (Продолжение) // Былые годы. 2010. № 3 (17). С. 19–30.

Алексеев И.Е. «Я пошел служить духу...». К вопросу о мировоззрении епископа Сухумского Андрея (князя Ухтомского) // Былые годы. 2010. № 1 (15). С. 27–37.

Жердева Ю.А. «Заволжский летописец» и культурно-просветительные проблемы Уфимского края в 1917 году // Российская наука: актуальные исследования и разработки: сб. науч. ст. Ч. 1. Самара: Изд-во Самар. гос. экон. ун-та, 2016. С. 3–9.

Журавский А.В. Андрей (Ухтомский Александр Алексеевич) // Православная энциклопедия. Т. 2. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2001. С. 361–365.

Зеленогорский М.Л. Жизнь и труды архиепископа Андрея (князя Ухтомского). М. — Иерусалим: Мосты культуры, 2011.

Зимина Н.П. Епископ Уфимский Андрей (Ухтомский) и деятельность Восточно-русского культурно-просветительного общества в г. Уфе (1916–1919 гг.) // Россий-

ское объединение исследователей религии. 2005 [https://rusoir.ru/03print/03print-04/03print-04-19/, доступ от 27.10.2019].

Иванов А.А. Были ли русские националисты черносотенцами? (О статье И.В. Омельянчука) // Вопросы истории. 2008. № 11. С. 171–175

Иванов А.А. Трактовка понятия «русские» в российской консервативной мысли (1860-е — 1917 гг.) // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2017. № 2 (22). С. 40–50.

Колчерин А. Христианизация народов Поволжья: Н.И. Ильминский и православная миссия. М.: РИСИ, 2014.

Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М.: РОССПЭН, 2001.

Латыпова В.В., Исхаков С.М. Андрей (в миру — Ухтомский Александр Алексеевич, князь) // Политические деятели России. 1917. Биографический словарь. М.: Большая рос. энцикл., 1993. С. 20–21.

Размолодин М.Л. О консервативной сущности черной сотни. Ярославль: Нюанс, 2012.

Primary Sources

Andrei (Ukhtomskii) (1917) “O neprekrashchaiushcheisia na menia klevete” [On Constant Detraction on me], *Zavolzhskii letopisets* 9: 247–251.

Andrei (Ukhtomskii) (1910) “O pravoslavnykh inorodtsakh” [On Orthodox Non-Russians], *Kazanskii telegraf* March 23.

Andrei (Ukhtomskii) (1917) “Otkrytoe pis′mo ministru-predsedateliu A.F. Kerenskomu” [Open Letter to Prime Minister A.F. Kerensky], *Ufimskie eparkhial'nye vedomosti* 15–16: 432–436.

Andrei (Ukhtomskii) (1906) “Rech′ pered molebnom v Kazanskom “Russkom sobranii” 6 dekabria 1906 goda” [Speech before the Prayer Service in the Russian Assembly of Kazan, December 6, 1906], *Chernosotenets* December 14.

Andreĭ (Ukhtomskii) (1906) “«Rossiia dlia russkikh»” [“Russia for Russians”], *Kazanskii telegraf* April 19.

Andrei (Ukhtomskii) (1910) “Tiazhelyi mesiats v zhizni kazanskoĭ missii” [A Hard Month for the Kazan Mission], *Sankt-Peterburgskie vedomosti* April 11 (24).

Besedy Vysokopreosviashchenneishego arkhiepiskopa Antoniia, proiznesennye v dukhovnoi seminarii [Conversations of His Eminence Archbishop Antony, delivered at the Theological Seminary] (1910), *Volynskie eparkhial'nye vedomosti* 19: 361–363.

Dmitriev, N. (1910) “Episkop, zashchishchaiushchii inorodtsev” [The Bishop, Defending Non-Russians], *Zemshchina* April 26.

Evlogii (Georgievskii) (1994) “Put′ moei zhizni” [My Life’s Journey]. M.: Moskovskii rabochiĭ.

Koleva, N.I. and Sikorskaya, L.E. (eds) (2019) “Sviashchennomuchenik Andrei, arkhiepiskop Ufimskii. Stat′i 1905–1918 gg., dokumenty i vospominaniia” [Hieromartyr Andrey, Archbishop of Ufa. The Articles of 1905–1918, Documents and Memoirs]. M.: Bratonezh.

Obleukhov, N. (1910) “Patriotizm i khristianstvo” [Patriotism and Christianity], *Priamoi put'* April 13: 778–780.

“O kazanskoi inorodcheskoi seminarii” [On the Kazan Seminary for Non-Russian Natives] (1910), *Kazanskii telegraf* March 21.

Osipova, I.I., Sikorskaya, L.E. (eds) (2012) “«Ia khochu prinadlezhat′ tol′ko sv. tserkvi…» Sviashchennomuchenik Andrei, arkhiepiskop Ufimskii. Trudy, obrashcheniia, propovedi, pis′ma, dokumenty” [“I Want to Belong to the Holy Church Only…” Hiero-

martyr Andrey, Archbishop of Ufa. Works, Appeals, Sermons, Letters, Documents]. M.: Bratonezh.

"Otkrytoe pis′mo preosviashchennomu episkopu Andreiu" [Open Letter to His Eminence Bishop Andrey] (1910), *Kazanskii telegraf* April 18.

Rozanov, V.V. (2010) "Sobranie sochinenii. Literaturnye izgnanniki. Kn. 2" [Collected Works: Literary Exiles: Book 2.]. M.: Respublika; SPb.: Rostok.

Solovyov, V.S. (2012) "Opravdanie dobra" [The Justification of the Good] M.: Algoritm.

Ukhtomskii, A. (1899) "Natsional′noe obosoblenie khristianskikh narodov i istoricheskaia zadacha tserkvi" [The National Separation of Christian Peoples and the Historical Task of the Church], *Bogoslovskii vestnik* Vol. 2. No. 6: 194–208.

Ustav obshchestva pod nazvaniem "Soiuz russkogo naroda" [*The Charter of the Society Named "Union of the Russian People"*] (1906). SPb.: National printing house

Zagadki episkopa Andreia [The Mysteries of Bishop Andrey] (1917), *Vpered* April 11.

Zalesskii, V.F. (1910) "O pravoslavnykh i nepravoslavnykh inorodtsakh" [On Orthodox and Non-Orthodox Non-Russians], *Kazanskii telegraf* March 24.

Zalesskii, V.F. (1910) "Sistema Il′minskogo" [Ilminsky's System], *Kazanskii telegraf* June 13, 15, 16.

Literature

Alekseev, I.E. (2010) "«Ia poshel sluzhit′ dukhu…». K voprosu o mirovozzrenii episkopa Sukhumskogo Andreia (kniazia Ukhtomskogo)" [«The Spirit Sends me Forth to Serve»: Worldview of Sukhumi Bishop Andrey (Prince Ukhtomsky)], *Bylye gody* 1 (15): 27–37.

Alekseev, I.E. (2010) "Smirennyi buntar′: k voprosu o mirovozzrenii arkhiepiskopa Andreia (kniazia Ukhtomskogo) (Okonchanie)" [Humble Rioter: Ideology of Archbishop Andrey (Prince Ukhtomsky) (Ending)], *Bylye gody* 4 (18): 20–32.

Alekseev, I.E. (2010) "Smirennyi buntar′: k voprosu o mirovozzrenii arkhiepiskopa Andreia (kniazia Ukhtomskogo) (Prodolzhenie)" [Humble Rioter: Ideology of Archbishop Andrey (Prince Ukhtomsky) (Continuation)], *Bylye gody* 3 (17): 19–30.

Ivanov, A.A. (2008) "Byli li russkie natsionalisty chernosotentsami? (O stat′e I.V. Omel′ianchuka)" [Were Russian Nationalists a Kind of "Black Hundreds"?], *Voprosy istorii* 11: 171–175

Ivanov, A.A. (2017) "Traktovka poniatiia «russkie» v rossiiskoi konservativnoi mysli (1860-e — 1917 gg.)" [Treatment of the Notion of «Russians» and Russian Conservative Thought (1860–1917)], *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* 2 (22): 40–50.

Kolcherin, A. (2004) *Khristianizatsiia narodov Povolzh'ia: N.I. Il'minskii i pravoslavnaia missiia* [Christianization of the peoples of the Volga region. N.I. Ilminsky and the Orthodox mission] M.: RISS Publ.

Kotsiubinskii, D.A. (2001) *Russkii natsionalizm v nachale XX stoletiia: Rozhdenie i gibel' ideologii Vserossiiskogo natsional'nogo soiuza* [The Russian Nationalism in the Early 20th Century: the Birth and Death of the Ideology of the Russian National Union]. M.: ROSSPÈN.

Latypova, V.V. and Iskhakov, S.M.(1993) "Andrei (v miru — Ukhtomskii Aleksandr Alekseevich, kniaz′)", in *Politicheskie deiateli Rossii. 1917. Biograficheskii slovar′*. ["Andrey, born Alexandr Alexeyevich Ukhtomsky, Prince", in *Russian Politicians. 1917. Biographical Dictionary*], pp. 20–21. M.: Great Russian Encyclopedia.

Razmolodin M.L. (2012) *O konservativnoi sushchnosti chernoi sotni* [On Conservative Essence of the Black Hundred]. Yaroslavl: Nuance.

Zelenogorskii, M.L. (2011) *Zhizn' i trudy arkhiepiskopa Andreia (kniazia Ukhtomskogo)* [The Life and Labors of Archbishop Andrey (Prince Ukhtomsky)]. M. — Jerusalem: Mosty kul′tury.

Zherdeva, Y.A. (2016) "Zavolzhskii letopisets" i kul′turno-prosvetitel′nye problemy Ufimskogo kraia v 1917 godu", in *Rossiiskaia nauka: aktual'nye issledovaniia i razrabotki: sb. nauch. st. Ch. 1.* ["Zavolzhskij Letopisec" and the Cultural and Educational Problems of the Ufa Region in 1917", in *Russian Science: Current Research and Development. Part 1*], pp. 3–9. Samara: Samara State University of Economics publishing

Zhuravskii, A.V. (2001) Andrei (Ukhtomskiĭ Aleksandr Alekseevich), in *Pravoslavnaia ėntsiklopediia. T. 2.* [Andrey (Ukhtomsky Alexandr Alekseyevich), in *Orthodox Encyclopedia. Vol. 2*], pp. 361–365. M.: Church Research Center "Orthodox Encyclopedia".

Zimina, N.P. (2005) "Episkop Ufimskii Andrei (Ukhtomskii) i deiatel′nost′ Vostochno-russkogo kul′turno-prosvetitel′nogo obshchestva v g. Ufe (1916–1919 gg.)", in *Rossiiskoe ob"edinenie issledovatelei religii* ["Bishop of Ufa Andrew (Ukhtomsky) and the work of the East Russian Cultural and Educational Society in the City of Ufa" in *Russian Union of Researchers in Religion*] [https://rusoir.ru/03print/03print-04/03print-04-19/, accessed on 27.10.2019].